

Даниил ДАНИН:

известия. — 1999. — 6 марта. — с. 7

Мой оптимизм неопровержим, потому что немотивирован

На днях известному писателю Даниилу Данину, автору научно-художественных книг «Добрый атом», «Неизбежность странного мира», «Вероятностный мир», биографий Резерфорда и Бора, мемуарного сборника «Бремя стыда», исполняется 85 лет.

— Знаете, Даниил Семенович, я не раз встречала в ваших книгах загадочную фразу любимого вами Нильса Бора: «На свете есть столь серьезные вещи, что говорить о них можно только шутя!» Что вам открывается за этой странной мыслью? Чем она вам дорога?

— Признаться, я не ожидал этого вопроса. Но он очень уместен. Вы ведь удостоиваете меня интервью по велению почтенной даты: мне 85? «Так точно-с!» — как говаривали, когда меня еще на свете не было. Но, в сущности, мое поколение — ровесники революции. Дата, стало быть, серьезная. Есть о чем поразмыслить...

— И, кстати, вопреки Бору совсем не шутя, разве не так?

— Если попробовать не шутя, ничего, кроме набора всем известного, не скажется. Ну вот по порядку: мы были детьми гражданской войны и нэпа (10—20-е годы), потом поколением сталинских пятилеток и сталинского ГУЛАГа (30-е годы), потом победителями германо-итало-японского нацизма и жертвами большевистского геноцида собственных народностей (40-е годы), потом счастливицами оттепели и детьми XX съезда (50-е годы), потом разногласными шестидесятиками и семидесятиками, потом поколением окрыляющей перестройки (80-е годы) и, наконец, последними еще не сдающимися поселенцами фантастического века, о которых еще в самом его начале было прочески сказано, как вычеканено: «Мы — дети страшных лет России — забыть не в силах ничего». А дальше там — вы, конечно, помните — строки и вовсе почти ясновидца:

Испепеляющие годы!

Безумья ль в вас,

надежды ль весть?

О, Господи или черт возьми — что, в сущности, одно и то же, — каким чудом могло случиться, что знаменитые эти строки осенили Блока еще в сентябре 1914-го — всего только на пятой неделе мировой войны! Ему было 34. До революции

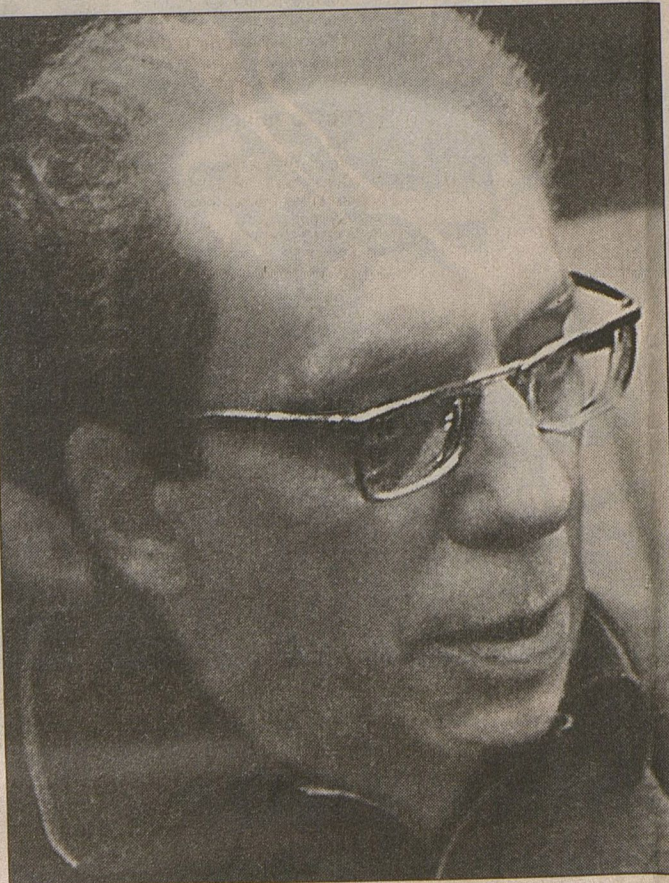
оставалось еще целых три года. И с улыбкой изумления — без тени веселости — думаешь о странном праве гения на самопричисление себя без достаточных оснований к детям страшных лет. А поколения подлинно «испепеляющих лет» тогда еще качались в люльках или на беззаботных качелях. Мне, одному их тех безымянных младенцев, не стукнуло в том сентябре даже полугодики. И надо было прожить на свете восемьдесят четыре с половиной годика, чтобы вдруг — созная себя еще живым — с усмешкой ощутить в своем нечаянном долголетии ничем не заслуженную милость и Истории, и Природы... Ну, разумеется, Нильс Бор был прав: в мире есть столь серьезные вещи, что говорить о них можно только шутя!

— Вы хотите сказать, что наш возраст — время жизни в истории — одна из таких вещей?

— Да. А если вы сомневаетесь, вспомните, как мы охотно дурачимся, то «старая», то «молодая». Молчу о женщинах — они всегда правы. Но разве не прав был девятилетний малыш, когда, вернувшись из школы 1 сентября, устало объявил: «Родители, я вам прямо скажу — жизнь только до семи лет!» Для него это было 1 сентября в третьем классе... Он уже понял, сколь серьезная штука жизнь. И уже ощутил потребность в шутке.

— А я помню ваш рассказ о Викторе Борисовиче Шкловском, когда ему исполнилось не 9, а 90 лет. Вот кто предпочитал всегда говорить шуту о самых серьезных вещах, не правда ли?

— Да-да, и общение с этим выдающимся кентавром — УЧЕНЫМ-ХУДОЖНИКОМ — всегда было наслаждением... В начале 80-х он стал одинок. Не в семье, а в Истории. «Моя телефонная книжка ушла!» — говорил он. Уже не было Маяковского, Пастернака, Мандельштама, Бриков, Поливанова, Оксманова... Да что уж перечислять: для него, разговорчивого, навсегда замолчал целый Интернет. Но замечательно, что именно перед финишем ему пона-

вилось прибавлять себе годы! И это воистину было «ШУТЯ О САМОМ СЕРЬЕЗНОМ». «Н-ну вот, история такая: я уже далеко обогнал Льва Николаевича, — улыбался он... — Кого благодарить?»

— Вы помните его ответ или ответы?

— Помню. Но не повторю. Без его улыбки и внезапной власти в глазах все прозвучит не так, как ему угодно было бы. Слова «Бог» со всеми синонимами не было в его слове. Были СУДЬБА и МИРОУСТРОЙСТВО. И ни тени мистики. Но ненасытное любопытство к будущему. Думаю, он затем шутя прибавлял себе годы, что втайне хотел как бы заранее вызнаться у природы ее намерения на его счет и даже кое-что ей подсказать. И тут уж без шутки снова нельзя было обойтись: «Н-ну вот, теперь и старик Гёте у меня позади!»

— Дорогой Даниил Семенович! Кажется, вы забыли, что наш разговор — о вашем собственном долголетии. Вернемся к вам... Вы ведь тоже кентавр: вы доказали, что физик может быть одновременно лириком. Но что же все-таки заставило вас взяться за перо, а не стать у синхрофазотрона?

— Это звучит так возвышенно, что хоть к исповеди приступай... Не буду, не буду... Не уверен, будто это интересно кому-нибудь, кроме друзей (а они и так все знают).

— Думаю, вы скромничаете, Даниил Семенович. Ваша книга «Неизбежность странного мира» стала классикой научно-художественной литературы. И еще упоминаются «Пути в неизвестное». Толстые тома — «Писатели рассказывают о науке». Вы ведь были там главным... А сколько лет они издавались?

— Тридцать. 1960—1990. 24 тома — целая библиотека. Приятно, что еще не забылась. Но резонно спросить — а где 25-й том? Куда подевалось издание этой кентаврической литературы? А меж тем она так нужна нынешней молодой России, которой дозволены все дороги познания, да на беду соблазны подсовывают только тропинки меркантилизма.

— Значит, нужны меценаты-просветители, я верно вас понимаю? Но откуда их взять? Не правы ли те, кто считает лучшим меценатом культуру государства?

— Да, это можно довольно часто услышать. И кажется, возразить трудно. Но можно и нужно! Настоятельно нужно, потому что культуре не следует превращаться в оплачиваемую служанку государства. Или правящей партии. Или религии... Вот эпизод из истории «Путей в неизвестное», когда меценатом было советское наше государство. Представьте мою радость, когда Елена Сергеевна, вдова Булгакова, дала мне его рассказ «Морфий» — о трагической судьбе врача, ставшего наркоманом. Издательство потребовало рассказ снять. И цензура наложила свой запрет: «Это ложь, будто при социализме возможна наркомания!» Вот так — просто и ясно. И лысенковщина охранялась государственно. И кибернетика третиновалась государственно. И антисемиты — вроде Тяпкина — отлучали Эйнштейна от теории относительности ЗА СЧЕТ БЮДЖЕТА! А частное меценатство все-таки способно гарантировать СВОБОДУ МЫСЛИ. На днях наш выдающийся математик Владимир Арнольд (перед войной, когда он был еще младенцем, я слушал в университете курс его отца по теоретической арифметике — вот какой я старый нынче!) остроумно напомнил в «Известиях»: «Затраты маркизы де Помпадур на науку и культуру составляли около полутора процентов ее затрат на наряды и косметику, и этого хватало, чтобы создать Век Просвещения, Энциклопедию и т.п. В России нет маркизы де Помпадур, и угроза наступления Века Невежества кажется совершенно реальной».

Хочется пошутить, что наука была тогда, по-видимому, не дороже

пропитания в Сорбонне, а косметика — гораздо дороже нынешней космонавтики. Но так или иначе Век Просвещения многим был обязан щедрому меценатству фаворитки Людовика XV. А Век Невежества — это все-таки избыточное недоверие к Истории. Верю, что фавориток у нас, к счастью, не будет — за отсутствием королей. Но будут новые Третьяковы, Мамонтовы, Щукины, Морозовы, Рябушинские. Просто молодая — демократическая — Россия пока еще слишком молода, чтобы «новые русские» достойно распладились.

— Вы утешитель. А есть ли у вас реальные доводы «за»?

— Разумеется. Но не буду говорить о многочисленных премиальных фондах, каковые у всех на виду. Конечно, они — благо. Однако их основатели создают своего рода «партийные жюри» и воплощают групповые симпатии. Это только «как бы демократия». Меценаты не берут ответственности на себя, а перелаживают ее на запланированное «общественное мнение». Думаю, что это еще детская болезнь меценатства. Она пройдет. А я — несомненно везучий, несмотря на все БРЕМЯ СТЫДА, какое довелось за 85 лет пронесть мне и моему поколению. И я еще надеюсь попробовать на вкус и горький и сладкий кусочек третьего тысячелетия.

— Да, я знаю, вы — непоколебимый оптимист. Но хотелось бы услышать, с чем больше всего вы не можете примириться сегодня?

— «Обширный вопрос!» — как говаривал один герой Достоевского. Эдак надо затевать новое интервью. Пошадим друг друга. И читателя. А если в двух словах: не могу примириться ни с одной попыткой РЕСТАВРАЦИИ нашего прошлого. Ни с одной! Дело не в Зюганове или Макашове, паханах или авторитетах, миллиардерах или бомжах, работорговцах или святошах... Дело — в совокупности всего этого. Дело в идеях возвращения Истории на круги своя. Никакой толерантности не может хватить на это! Мой оптимизм неопровержим, потому что немотивирован. Логически с ним ничего нельзя поделать. Или отвергать — или соглашаться. Предлагаю соглашаться.

Маргарита ЮРИКОВА